

Об ошибках в научном поиске, и в текстологии в частности

КОНСТАНТИН БАРШТ

ORCID 0000-0002-1152-4083

(Российская академия наук, Санкт-Петербург)

Словом «ученый» обычно называют человека, который профессионально занимается научными исследованиями, является автором доктрин и гипотез, а также много знает и редко ошибается. Кроме того, в массовой культуре гуляет много мифов о науке, которые подогреваются фильмами об умудренных знаниями маньяках, намеревающихся уничтожить человечество. Однако на самом деле ученый – это непрестанно ошибающийся индивидуум, в то время как научный поиск – невероятно трудное ремесло, как правило, не слишком щедро оплачиваемое, и мотивируется именно заботой о людях и любовью к человечеству, всякого рода случайные пиарщики от науки в данном случае не в счет.

Задача ученого – описать какое-либо свойство окружающей реальности, опираясь на известные методы или создав свои, основываясь на знаниях и ресурсах своего «избытка видения», свойственного каждому человеку своеобразного ракурса восприятия окружающего мира¹. В этой начальной точке движения к созданию новой информации о мире нет различий между научным и художественным творчеством, различия обнаруживаются только в методах и материале, а также в характере коммуникации с воспринимающим: в области художественного творчества иное сознание берется как уникальная самооценная и самодостаточная точка видения мира, продукт его деятельности рассчитан на оценку с сингулярной позиции, в науке человек трактован как коллективное существо, в данном случае оценка результата должна устроить не одного, но одновременно многих членов научного сообщества.

1 М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической деятельности*, в: М.М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 1, Москва 2003, с. 104.

Процесс понимания связан с частичным отказом, временным и/или условным, от своего «кругозора», с попыткой временно заменить его или скорректировать кругозором чужим. В этом отношении понимание есть жертва, так как мера принятия результатов чужих наблюдений измеряется тем, насколько реципиент готов отменить правила, связанные с персональной системой ценностей. Принципиально важно, что «точка зрения» имеет правильный смысл, взятая одновременно и изнутри, и снаружи, в иных случаях она онтологически не легитимна. Научная практика требует интегрировать личную бытийную позицию индивидуума в принятый сообществом набор гипотез о строении мира, образующих некую динамическую парадигму («научную традицию»); точка зрения любого ученого на окружающую действительность заведомо отличается от точки зрения коллег в силу личностных различий между людьми, требуя того «положительно-приемлющего отношения», о котором писал Бахтин. Если в религии человек обязан идентифицировать свое понимание действительности с заповеданной истиной, принимаемой как аксиома, в научном поиске речь идет об адаптации изучаемых фактов реальности в контексте научных достижений предшественников. Тем самым исследователь подтягивает реальность к фонду общественного опыта, используя окружающую действительность как исходный материал для строительства прагматического знания. Наука не признает релевантности априорных закономерностей, но занимается выяснением их свойств с помощью возможностей человеческого разума. Философия описывает мир как систему, как единый текст, проясняя свойства того единого языка, на котором этот текст был написан и составляя своего рода грамматику мироздания. В искусстве описание мира – это средство построения условной знаковой системы, художественное произведение можно понять как явление языковой прагматики. Продолжая это сравнение, наука выступает в роли морфолога реальности, в которой живет человечество.

В основании любой научной дисциплины лежат три принципа: 1) наличие специфического предмета, который требует создания для него специальной методологии, так как средства иных наук для этого не годятся, 2) свойственный этому материалу научный принцип, своего рода логическая конституция данной области знаний, 3) особая терминология, отражающая параметры научной дисциплины и позволяющая применить критерий верификации или выдвинутый К. Р. Поппером метод фальсификации, своего рода верификации от противного. Оба эти метода исходят из того, что любая наука есть приложение логики, действующей в том или ином материальном поле, и результат исследования должен быть проверяемым.

Обыденное представление о науке как наборе неких результатов искажает суть дела. Это все равно как представлять себе микрофлору в виде грибного супа,

несомненно имеющего прямое отношения к грибам, но мало что помогающего понять в области микологии. Донаучное и квазинаучное знание помогает донести до широкого круга людей набор тем, актуальных для современной науки, но никак не смысл и содержание работы ученого. Процесс научного поиска имеет свои особенности и закономерности, требуя осуществления принципов научной полноты и достаточного основания, кроме того, в нем значительную роль играют разного рода случайности, на эксплуатации эвристического потенциала которых работает фундаментальная наука. Нельзя запрограммировать научные достижения в духе учебного пособия «Как совершать открытия»; концепции, доктрины, теории, типологии получают свой смысл в истории лишь как «сухой остаток» научного поиска, идущего, как правило, витиеватым, непредсказуемым и затрудненным путем, где неизбежны ошибки. Сама наука в целом иногда понимается либо как грандиозная ошибка, либо как информационный абсолют, однако и то, и другое неправда, это всего лишь набор узкоспециализированных отраслей знаний об окружающем мире.

Исследователь приходит в мир с лекалом в виде формальной логики, основы всех наук, прилагая ее к конкретному миру, который отнюдь не всегда этой логике подчиняется. Ошибки здесь неизбежны, они являются нормальным и необходимым компонентом научного исследования. Поэтому представление о простом накоплении знаний, подобном накоплению денег, где к имеющейся сумме добавляется прибыль, не выдерживает критики. Кумулятивная теория накопления знаний полностью перестала работать начиная со второй половины XIX века, когда разразилась мировая научно-техническая революция. Прежняя черно-белая картина, в которой так легко было отличить ошибку от научного достижения, оказалась отвергнутой жизнью, предложившей вероятностно-вариативный подход к научному знанию. Образ науки существенно поменялся, и на место набора «правильных» и «неправильных» линий ее развития встало представление о глубокой фундаментализации научного знания, отказывающегося от априорных посылок и любой формы предвзятости. Иногда можно говорить о «накоплении знаний» по отношению к достижениям прикладных наук, уточняющих каталогизацию объекта описания, однако фундаментальная наука продолжает более всего напоминать работу кладоискателя, вооруженного набором старинных свитков. Поэтому научные фонды при подаче заявки на грант обычно требуют детального освещения научной парадигмы, в рамках которой будет проводиться исследование, но не просят точной формулировки его результата. В связи с этим оказываются невозможны пророчества в фундаментальной науке, история знает лишь один такого рода пример, в качестве исключения: предсказание в III в. н. э. открытия Н. Коперником гелиоцентрической солнечной системы.

В области науки происходит большей частью не столько накопление знаний, сколько ожесточенная борьба между собой результатов, полученных разными исследователями, где каждый из них выглядит ошибкой в глазах оппонента, и далее происходит «естественный отбор» почти по Дарвину, где не выдержавшее проверку и теоретический слабое отсеивается временем, выжившее устанавливается в центр парадигмы. Новое слово обычно является в облике «ошибки» или «ереси», в худшем случае трактуется как сознательный или бессознательный обман, его критикуют или замалчивают. Бывает, что по прошествии ряда лет говорят: «Но ведь это давно известно». Поэтому судьбы ученых редко оказываются благополучными, многие из них не доживают до второго, более счастливого этапа существования своего научного достижения. Нельзя сказать, что ученые этого не замечали, но это понимание мало помогает в реальной научной практике. Макс Планк с грустью заметил, что единственный путь для автора новой концепции – убедить своих оппонентов, чего обычно не удастся сделать, и потому новая идея получает признание лишь потому, что умирают ее противники².

Отсюда и преемственность в науке – вещь странная и иногда опасная. С одной стороны, понятно, ученик опирается на научные достижения своего учителя, с другой, чтобы продвинуть науку, их необходимо дополнить или даже опровергнуть. Если в Евангелии предательство ученика заклеснено именем Иуды, то в науке такого рода «измена» совершенно нормальное и необходимое явление. Отсюда отношения между автором научной концепции и продолжателями, творчески ее развивающими, редко бывают гладкими. Создатель неевклидовой геометрии К. Ф. Гаусс упрекал своих учеников, Б. Римана и Я. Бояйи, в «геометрической ереси», затем ни слова не написал Н. Лобачевскому, труды которого тем не менее внимательно изучал в оригинале, специально для этого овладев русским языком. Чем ближе к переднему краю науки стоит ученый, тем острее ему видятся в роли «ошибок» отличия гипотез идущих тем же путем коллег от его собственной научной позиции. К этому нужно относиться с пониманием, ведь в таком случае речь идет о теориях, не прошедших достаточную проверку апробированием.

Любая фиксация современного состояния науки заведомо ущербна, так как невозможно остановить время, приносящее все новые и новые открытия. С этой точки зрения самыми уязвимыми являются научные справочники и учебные пособия для студентов, которые призваны запечатлеть научную норму, однако именно эта норма и является тем, что всегда лишь позади относительно движущегося вперед процесса. Если А. Эйнштейн сравнивал научный поиск с ездой на велосипеде, где нужно двигаться, если не хочешь упасть, то любой научный справочник являет собой велосипед, стоящий на приколе у забора. Каждый новый шаг в науке отменяет или

2 См. Т. Кун, *Структура научных революций*, Москва 1977, с. 199.

подвергает сомнению сделанное предшественниками, заставляет посмотреть на изучаемый факт с новой стороны, увидеть те его особенности и свойства, которые ранее не были видны или не были понятны. При этом часто бывает, что ранее достигнутые, казалось бы, несомненные результаты начинают выглядеть как ошибки, хорошо работавшие методологии – как прагматически реализованные предрассудки, а сложившиеся о предмете изучения представления как набор мифов. Однако, утверждая свой приоритет в открытии, ученый не имеет права на логическую ошибку, называя теории предшественников ложными. В устаревших научных данных, противоречащих настоящему, нет лжи в прямом смысле слова, есть лишь определенное состояние научной парадигмы на определенном этапе ее развития, в тот или иной период ее развития. Наличие платформы знаний – это не синоним рутины, с которой необходимо бороться. Лишь имея такого рода развитую систему сведений, исследователь может стартовать не «от печки», но с того пункта, на котором остановились его предшественники, используя их работу как площадку для старта. Критика и отрицание верности их концепций выглядит не слишком обидным явлением, подобно тому как не является оскорблением космодрома то, что от него отталкивается корабль, стартующий в космос. Прагматическая польза научной парадигмы в том, что именно на ее основе совершаются открытия, нередко опровергающие ее устои. Научную гипотезу можно сравнить со зданием, фундаментом которого является предшествующее ему знание, и говорить, что это знание несущественно, значит обрекать свою постройку на неустойчивое положение.

Возможность исследования определяется фактом разнообразия окружающего мира, познание которого требует его теоретизации и систематизации. Это касается объекта исследования. Но XX век добавил к этому представление о разнообразии и онтологической сущности точек наблюдения, и вопрос об ошибке, коренившейся в «неверном взгляде» на предмет, оказался отменен или был подвергнут серьезной корректировке. Нельзя, правда, сказать, что эта мысль является слишком новой, «индивидуальное является самым главным и извечным в человеке», заметил еще Ф. Шлегель³. Говоря о чьих-то личных научных достижениях, не стоит забывать, что каждый ученый – это воплощение более или менее оригинальной точки зрения на окружающий мир, применимость этого видения мира не имеет обязательного характера, концепции и люди забываются, потом воскресают или не воскресают в связи с их востребованностью в процессе развития той ли или иной научной дисциплины. Примером является Теория относительности: зарождение этого круга идей приходится на начало XIX века, долгое время являя собой образец утопической гипотезы, и лишь спустя столетие они оказались реализованными

3 А. Лавджой, *Великая цепь бытия: История идей*, Москва 2001, с. 315.

в знаменитой формуле А. Эйнштейна. История науки содержит массу анекдотов на тему: искали одно, а наши совсем другое; так произошло открытие пенициллина А. Флемингом (1928), изобретение микроволновой печи П. Спенсером (1945), кардиостимулятора У. Грейтбатчем (1956), список такого рода легко можно продолжить. Точно выразился на эту тему поэт:

» О сколько нам открытий чудных
 Готовят просвещенья дух
 И опыт, сын ошибок трудных,
 И гений, парадоксов друг,
 И случай, бог изобретатель...⁴

Не редкость в истории науки параллельные открытия, когда новая идея буквально витает в воздухе, подготовленная развитой областью науки, и ее подхватывают одновременно сразу несколько ученых. В связи с этим возникает вопрос о приоритетах, о том, кто первый заявил ту или иную мысль или теорию. Кто изобрел радио – А. Попов или Г. Маркони, теорию относительности – А. Эйнштейн, А. Пуанкаре или Г. Лоренц, открыл кислород – К. В. Шееле, Дж. Пристли, Лавуазье? В истории науки о литературе такого рода событием было движение русских формалистов 1910–1920-х гг., которое во многом определялось этим же фактором. Существует также случаи, когда открытие, сделанное в одной науке и признанное в ней не слишком важным, оказывает мощное влияние на смежные области знания. Так произошло с рентгеновскими лучами, широко применяемыми в медицине, открытие которых в физике было воспринято как незначительное. Талант ученому, разумеется, нужен, однако научные открытия редко являются в виде внезапных озарений, это итог длительного, иногда растягивающегося на десятилетия процесса. На это указывал В. И. Вернадский: «основные положения и аксиомы вырабатываются наукой очень медленно», утверждая далее, что мысль справедлива применительно ко всем формам человеческого сознания⁵. Новое, вступая со старым в конфликт, либо побеждает и само становится нормой, подверженной отмене, либо погибает, уходя в забвение. Из которого его может извлечь любое исследование, которому забытая гипотеза окажется кстати, последователи продуктивной идеи могут реанимировать забытую в силу ее «ошибочности» идею, подключая к ней новые методы изучения.

Иногда возникает другая ситуация: убийство научной идеи ее последователями. Имея в виду художественное творчество, Ю. Тынянов как-то заметил, что, когда

4 А. С. Пушкин, *Собрание сочинений в 10 т.*, т. 2: *Стихотворения 1823–1836*, Москва 1959, с. 594.

5 *Из рукописного наследия В. И. Вернадского*, „Вопросы Философии” 1966, № 12, с. 104–105.

четыреста поэтов пишут так же хорошо, как Пушкин (так было в России 1840–50-е гг.), это означает не торжество поэтики Пушкина, а ее гибель⁶. Художественная культура, конечно, отличается от научной, однако и здесь бывали случаи, когда радостно (и не критически) подхваченные идеи обращались в агрессивные мифы, обращающие исследователя в попугая, повторяющего заученные фразы, далеко удающиеся от сути дела. Так произошло с «интертекстом» Ю. Кристевой, который на самом деле отменяет базовое понятие филологической науки – текст. Если содержанием научного поиска в любой области знания является сопоставление фактов в контексте общего представления о конструкции окружающего нас мира, то в литературоведении актуальность исходного пункта исследования повышается за счет того, что любой художественный текст представляет собой модель окружающего мира в индивидуальной версии автора этого текста. Лишняя литература текста, отстраняя автора от читателя, литературовед, вероятно, обязан распространить эту тенденцию и на свои собственные писания. Не позитивная наука логически невозможна, и уход филологии на зыбкую почву иррационализма может рассматриваться как противозаконное в науковедческом смысле действие. Всякого рода «смерти текста», «смерти автора» или «смерти читателя», провозглашенные группой Тель-Кель – разумеется, всего лишь удачные «пиар-акции», красивые метафоры, а литературовед, который в них верит, оказывается обманут. Можно утверждать, что уровень ученого измеряется качеством критического отношения к собственным теориям. Настаивая на идее интертекста, Ю. Кристева совершает логическую ошибку, применяя разные критерии истины к чужим и к своим текстам. Вспомним А. Эйнштейна, который всю жизнь настойчиво искал изъяны в своей Теории относительности.

После работ М.М. Бахтина стало ясно, что именно авторская точка зрения на мир с ее неуничтожимым «избытком видения» есть его главная опоры культуры, составляя основу бытия каждого человека и всего человечества. Пресловутая «смерть автора» возможна в ситуации, когда текст оказывается расположенным не между двумя ищущими смысл мироздания сознаниями, а между человеком и неживым объектом, в данном случае – имперсональным интертекстом, лишенным точек сознания и функционирующим в автоматическом режиме, живущим отдельно от авторов за счет бесконечных хаотических вариаций и самоцитирования⁷. Бахтин противопоставляет этому тотальный диалогический контекст, который

6 Ю.Н. Тынянов, *Литературный факт*, в: Ю.Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977, с. 259.

7 Ю. Кристева, *Разрушение поэтики*, в: *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*, Москва 2000, с. 458–483. В то время как Бахтин обосновывает необходимость «третьего» как условия возникновения эстетической коммуникации, Кристева доказывает прямо обратное: «Автор не является высшей инстанцией, способной удостоверить истинность этого дискурсного столкновения. Не существует “третьего” лица, объемлющего противостояние двух других» (там же, с. 469).

состоит из бесконечного множества персональных и ответственных точек сознания Целого, которые вспыхивают и гаснут, образуя то мерцание смысла, которое мы называем мировой культурой. Этот тотальный контекст Бахтина имеет такой же всеохватывающий характер, как и интертекст Кристевой: «это... бесконечный диалог, где нет ни первого, ни последнего слова», однако, в отличие от безличного интертекста, «контекст всегда персоналистичен»⁸. Образующие его смысловое пространство свидетельства о мире вступают друг с другом в сложные отношения, создавая многоуровневые информационные модели и приобщая их авторов к тотальному полилогу мировой культуры. Лишенный точек сознания Интертекст есть абстракция, заводящая в тупик, своего рода теоретический суицид. Предвидя подобного рода неадекватное прочтение своей мысли о тотальном контексте со стороны неомарксистов и гегельянцев, Бахтин заметил, что если «мы превратим диалог в один сплошной текст, то есть сотрем разделы голосов (смены говорящих субъектов), что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)»⁹. Эту мертвую точку и поставили концепцией «смерти автора» Р. Барт и Ю. Кристева, заставив целое поколение литературоведов больно «стукнуться о дно», где исчезает и становится невозможен всякий смысл. В настоящее время эта филологическая раковая опухоль вылечена тем, что этот термин в сознании многих уже фактически слился с понятием «контекста», чему мы обязаны во многом усилиями Ж. Женетта.

*

Фундаментальна наука направлена на решение принципиальных вопросов, связанных с самим существованием научной парадигмы, прикладная – каждодневных, имеющих прагматическое значение. Во втором случае парадигма обогащается новыми данными, в первом – качественно изменяется или даже полностью сменяется. Отсюда извечная борьба принципов фундаментальной и прикладной научных тенденций, идущая от века в мировой науке и во всех ее областях и сферах. Прагматическая правда прикладной науки может быть сведена к словам: «наше знание приносит реальную пользу», в то время как фундаментальная наука, являя собой выход в неизведанное, вовсе не обещает быстрый позитивный результат. Однако именно ее маршруты сулят обнаружение того, что никто никогда не видел, именно

8 М.М. Бахтин, *Разрозненные листы*, в: М.М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6, Москва 2002, с. 432.

9 М.М. Бахтин, *Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов*, в: М.М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6, с. 424.

здесь созданы практически все великие открытия XX века. С другой стороны, грань между прикладной и фундаментальной наукой также весьма зыбкая, довольно часто бывает, что, идя по пути, казалось бы, чисто прагматического эксперимента, исследователь сталкивается с неожиданным результатом, не укладывающимся ни в какие теории, нарушающим все привычные представления. Таким было потрясшее мировое сообщество открытия радия супругами Кюри, в котором со всей очевидностью нарушался закон сохранения энергии (Второй закон термодинамики): вещество излучало энергию, не теряя при этом массу.

Здесь и в подобных случаях, во избежание недочета, необходимо выяснить, является ли наблюдаемое явление закономерным или аномальным, из которого нельзя делать никаких выводов или выстраивать типологию. Объяснение такого рода факта может изменить сложившуюся картину и продвинуть фундаментальные знания об окружающем мире, одновременно выставив новые вопросы, решение которых, не исключено, может отменить только что созданную гипотезу. Завершающим этапом исследования является выработка типологии, формирование образца и строительство моделей в качестве инструментария, облегчающего научный поиск и одновременно, сужающего его возможности. В этом смысле типология – это методологический двуликий Янус, с одной стороны, помогающий исследованию, с другой – отграничивающий ее применения.

Исходя из непреложной необходимости принципа верификации, наука изучает повторяющиеся, имеющие закономерный характер явления. Искажения в процессе научного поиска происходят либо как прямой обман (фальсификация, плагиат), либо как непредумышленный обман (например, приписывание какому-либо автору в роли уникального свойства его творчества такой черты, которая на самом деле встречается еще у множества других писателей). И, конечно, непризнанное вначале, но с течением времени утвердившееся научное достижение, которое при своем возникновении всегда выступает в роли «неправильного» знания. По методологическому модусу ошибки бывают теоретические и фактические. В первом случае происходит нарушение правил логики, что порождает неустранимые противоречия, во втором – пропуски информации или внедрение в описание информационного шума. С помощью органов чувств мы воспринимаем лишь небольшую часть окружающей нас реальности, как говорил В. И. Вернадский, «играем на рояле, используя одну октаву», отсюда недочеты в восприятии и трактовке фактов неизбежны. Вторым уровнем ошибок может стать неверная методология или логическая нестыковка при проведении исследования. И, наконец, неточное формулирование выводов, которое способно уничтожить результат правильно проведенного исследования. Ошибки могут встречаться не только в процессе конкретного научного проекта, но и в смежных областях, также

оказывающих значительное влияние на науку. Это и неверная организация процесса, неудачный подбор кадров, оплошности в подборе оборудования и материала для исследований и пр.

К особой группе научных упущений относятся запреты в сфере науки, нарушения в области академической свободы. Один из фантомов, стоящих на пути развития науки – представлять ее настоящее состояние как максимум ее развития, предел желаний и абсолютный расцвет, ставя при этом шлагбаум на пути любой инновации, которая, разумеется, самым фактом своего существования нарушает метафизическую гармонию в головах уверенных в своей правоте научных законодателей. С этой стратегической ошибкой руководства наукой связаны и ошибки тактические: склонность не замечать, затушевывать насущные проблемы, приписывая совершенство общепринятой методологической модели. А также жестко отделять свою научную дисциплину от всех других, включая родственные и смежные, делая вид, что это «другое знание». «Вузовская наука» – как однажды определил теоретическую поэтику один сотрудник гуманитарного академического института. Особые сложности в связи с этим имеет гуманитарная наука, описывающая различные варианты реализации бытийных точек в социуме, заведомо несводимых к заранее определенным правилам.

В каждой области, оформленной в виде институции, есть набор таких правил, принятых научным сообществом. Это также значительный ресурс ошибочности, они связаны с созданием препятствий на пути научного проекта, плохо согласующегося с привычными для всех формами работы. Из недавних примеров постановки научного фальсификата на поток – грубое давление на науку со стороны государственной идеологии СССР и в так называемых «социалистических странах» в середине XX века, где марксистско-ленинская догма регулярно заводила научный поиск в логический тупик, к непреодолимым противоречиям. Стоит вспомнить, что в 1920-ые годы в России существовали две академии наук – прежняя, состоявшая из ученых с дореволюционным стажем, и новая «Коммунистическая академия». Расчет партийных руководителей страны был на то, что старая Академия скоро отомрет за ненадобностью, так как опирается в своей работе на ошибочные «буржуазные» представления об окружающем мире, и останется состоящая из молодых свежих сил, поддержанная марксистской «научной» идеологией Академия коммунистическая. Однако даже в условиях тотального сталинского террора конца 1920-1930-х гг. продолжила свою жизнь прежняя академия наук, а Коммунистическая захирела и погасла. Со временем стала очевидной глупость научных инноваций Т. Д. Лысенко, запрет на генетику и другие перекосы попыток руководить наукой со стороны людей, мало что понимающих в ее методологии. Но даже коммунистическим руководителям было понятно, на чьей стороне

правда – в зашоренной идеологии или в свободном поиске истины, не стесненной специальными ограничениями. Они выбрали второе из чисто прагматических соображений, потому что им нужна была наука и нужны были ученые.

Зашедшая в тупик научная парадигма обычно ведет себя подобно честному японскому самураю – кончает жизнь самоубийством, и делает это методологически целенаправленно: в попытке обновиться и уцелеть она стремительно наращивает свой потенциал, в конечном итоге накапливая уничтожающие ее факты. Доказавшая свою ошибочность научная теория уходит со сцены, а почетный караул у ее могилы образуют те самые апологеты, которые ее похоронили именно неистовыми усилиями ее поддержать. Такого рода примером в истории литературоведения является марксистско-ленинская эстетическая «теория отражения», ошибочность которой была выяснена активными усилиями доказать ее верность со стороны В. М. Фриче, В. В. Ермилова, В. Ф. Переверзева и др. филологов-марксистов.

Научная теория – вещь чрезвычайно хрупкая, и потому невинная добавка к полю изучаемых явлений еще одного нового факта может разрушить теорию, прекрасно работавшую с материалом прежнего состава. Здесь основным принципом, который должен свести методологические ошибки к минимуму, является здоровый эмпиризм исследователя, когда он не навязывает исследуемому материалу заведомо «правильную» методологию, но исходит из самого исследуемого материала, который и является основой строительства концепции – действительность сама подсказывает, как ее изучать. Прагматические данные в этом смысле значительно устойчивее, даже содержа ошибки, они могут существовать и эффективно работать. Ложная теория опасна, но еще опаснее правдоподобие – результат может быть очень похож на истину, но правдой не является. Иногда возникают и парадоксальные ситуации, когда ущербная теория неожиданно выводит к верному выводу, и потому в каждом отдельном случае нужно решение, согласующееся с общей задачей проекта. Проще всего разбить процесс на участки, логически соразмерные исследуемому материалу и адекватные поставленной задаче, с тем чтобы каждое из звеньев могло быть проверено по отдельности. Или, в рамках принципа фальсификации, предложенного Поппером, выдвинуть прямо противоположную версию и попытаться ее доказать, отрицательный результат будет добавлять уверенности в верности гипотезы.

Особенностью научного знания является то, что истина от заблуждения не всегда столь уж четко отграничена, научная логика и бытовая логика имеют различную природу. Отличие науки от других сфер жизни и методов познания заключается в том, что ошибка является важной и непреложной составной частью научного поиска, а ученый находится в постоянной готовности признать свои упущения и промахи. Как уже указывалось, нередки случаи, когда ошибки в научном

поиске могут иметь ценное значение. С этим связано коренное отличие науки от практической бытовой деятельности человека, где ошибки имеют скверные последствия для индивидуума. Недостигнутая цель, неудача в исследовании, промахи в научном творчестве указывают на трудности, которые ожидают исследователя, идущего в данном направлении, создавая условия для более точного выбора дальнейшего направления работы. К. Поппер справедливо подчеркивал, что осознанные и исправленные ошибки действительно помогают в выработке правильной терминологии¹⁰. Свою версию принципиальной погрешимости научного поиска, в процессе которого происходит постоянная правка одних элементов системы с помощью других ее элементов, выдвинул Ч. Пирс. Научная гипотеза может быть трактована как потенциально ошибочная и потенциально продуктивная версия истины, которой предназначено быть предметом критики и самокритики. Отсюда становится понятно, что конструктивное и деструктивное неразрывно сосуществуют в научном поиске, добродетелью ученого является принципиальный отказ от различения ошибки и достижения, провала и успеха, лишь строгое следование логике своей работы, намеченному маршруту с сохранением основного базового принципа подхода к материалу.

В текстологии, например, чрезвычайно важное значение имеет смысловая грамматика текста, которая должна строго отвечать общему принципу исследования. Попытка априорно навязать художественному тексту какой-либо код прочтения, заведомо принятый за «истинный», приводит к уничтожению смысла произведения. Такого рода приложения к текстам литературы жестких нормативных кодов не раз предпринимались в истории литературоведения; иногда они были связаны с модой на какую-либо общественно-политическую доктрину, в ряде случаев применялись из конъюнктурных соображений. Тексты русской литературы профильтровывались через марксистский код, фрейдистский код, православный код и другие внешние по отношению к ним идеологические системы. Эти попытки не давали и не могли дать никаких ощутимых научных результатов, одновременно разрушая эстетическую систему произведения и обращая художественный текст в свою противоположность. Произведение искусства ненормативно по своей сущности, и сведение его смысла к манифестации какой-либо определенной идеологии отрицает его значение как эстетического феномена, основанного на полилоге нескольких ценностно равнозначных и несводимых друг к другу точек зрения на мир.

В текстологии могут встречаться и специфические ошибки, и ошибки, свойственные многим другим областям знания. Особенными просчетами текстолога являются: неверные прочтения словесной записи в рукописи писателя при подготовке ее к публикации, неверная трактовка понятия «рукопись», когда

10 К. Поппер, *Что такое диалектика?*, „Вопросы Философии” 1995, № 1, с. 120.

из нее извлекается запись на одном каком-то языке, остальные информационные слои – пространственное расположение записи, отчеркивания текстовых блоков, рисунки (так произошло с публикацией рукописей Ф. М. Достоевского в *Полном собрании сочинений в 30 тт.* (1972–1990) – игнорируются. Могут возникнуть также смысловые казусы, когда фразе автора при переводе на современный язык придается ошибочное значение за счет неверной расстановки знаков препинания. Примером такого рода является запись, сделанная Ф. М. Достоевским в подготовительных материалах к роману *Преступление и наказание*. В версии *Полного собрания сочинений* Ф. М. Достоевского (т. 7. Ленинград, 1973) она выглядит следующим образом: «Гнусно подражать народу не хочу». Все-таки нет смирения, борьба с гордостью»¹¹. Кавычками здесь выделена реплика (мысль или внутренняя речь) Родиона Раскольникова. Не исключено также, что запись относится и к формируемому на смежных страницах тетради герою неосуществленного романа «Житие великого грешника»¹², моральная установка которого столь же непримирима – он «уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предаст. Ссылка. Подвижничество»¹³. Проблема в том, что в смысл этой фразы не укладывается характер ни одного из названных персонажей Достоевского с их требовательной, бескомпромиссной и не считавшейся ни с какими общественными нормами натурой.

Смысл фразы в зависимости от постановки в ней знаков пунктуации распадается на два противоположных варианта: 1) автореферентное перформативное высказывание, фиксирующее внутреннее состояние героя – огорчение при мысли о возможной потере самостоятельности в свободе выбора, о навязываемой ему социумом необходимости «подражать» другим своими поступками. В этом случае фраза приобретает вид: «Гнусно, подражать народу не хочу» – с акцентом на отвращении к обывательским жизненным ценностям, подражание которым рассматривается как особенно неприемлемое решение; или с декларацией ценности личной свободы: «Гнусно подражать народу, не хочу»; 2) противоположный смысл, в котором протагонист из протестанта и гордеца обращается в вялого уступчивого конформиста, согласного все же «подражать народу», но при условии, что это все же будет осуществляться в не столь отвратительно пошлой форме: «Гнусно подражать народу не хочу» («не хочу подражать народу» как? – «гнусно»). Таким образом, в семантике, заявленной в седьмом томе *Полного собрания сочинений*, характер персонажа меняется настолько существенно, что буквально обрушивает всю систему

11 Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, т. 7, Ленинград 1973, с. 158.

12 Текст расположен внизу страницы «тетради № 3» (Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 212, опись 1, единица хранения 5, с. 8).

13 Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, т. 7, с. 156.

его идеологических мотивировок: намерение Раскольникова попробовать себя в роли «наполеона» и в качестве первого шага к овладению миром убить старуху-процентщицу выглядит здесь парадоксально. Но это предположение опровергается логикой мысли Достоевского о доминанте «гордости» в характере Родиона Раскольникова, выраженной в формулировке «не хочу» (т. 7, с. 144). Таким образом, смысловое значение фразы, в том виде, в каком она формировалась в сознании писателя как описание мотива поведения Раскольникова, видимо, колебалось между двумя вариантами: «Гнусно / подражать народу не хочу» и «Гнусно подражать народу / не хочу», где знаком «/» помечено место, где должна находиться запятая, точка или точка с запятой.

Каждый раз, когда мы встречаемся с такими несовершенствами текста, как, например, отсутствующая запятая или орфографическая ошибка, возникает сомнение: оставить как есть, канонизировав авторскую волю в том виде, в каком она формально представлена в тексте, или попытаться сделать исправление согласно видимому смыслу? Попытка сберечь авторскую волю, сохраняя непреодолимое противоречие, зафиксированное отсутствующей запятой, есть путь, ведущий, фактически, в прямо противоположную сторону – к нарушению авторской воли. Современная русская грамматическая система, активно включающая пунктуацию в образование смысла, может обратить в нелепость текст XIX века, где пунктуация играла совершенно иную роль – своего рода нот интонирования. В 8 томе нового *Полного собрания сочинений* Ф. М. Достоевского (роман *Идиот*) мы читаем: «Но много ли получишь от русского купца за уроки по гривеннику, да еще с болезненной без ног матерью»¹⁴, что заставляет читателя включиться в дилемму из двух болезненных матерей: одна из которых «без ног», а другая, вероятно, не менее болезненная, но «с ногами». Ранее, в первом *Полном собрании сочинений* писателя эта фраза уже была опубликована в более естественном виде: «с болезненную, без ног, матерью»¹⁵. Заметим, что пятью строками выше этого места на той же странице, в идентичном словосочетании поставлены верные знаки: «с болезненную, страдающею, без ног, матерью»¹⁶, что явственно указывает на типографскую ошибку, неправомерно возведенную текстологом в примету авторского стиля Достоевского.

К сфере принципиальных ошибок в области текстологии относится неточное предназначение текста и неверно выбранный коммуникативный адрес. Делаются ошибки принципиального характера, когда предпринимается попытка издания массовым тиражом памятника литературы на языке первопечатного издания,

14 Ф. М. Достоевский, *Идиот*, в: Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 35 т.*, т. 8, Санкт-Петербург 2019, с. 243. Ошибка продиктована некритическим повторением издания: Ф. М. Достоевский, *Идиот*, в: *Полное собрание художественных произведений*, Ленинград 1926, с. 233.

15 Ф. М. Достоевский, *Идиот*, в: *Полное собрание сочинений в 30 т.*, т. 8, Ленинград 1973, с. 215.

16 Ф. М. Достоевский, *Идиот*, 2019, с. 243; Ф. М. Достоевский, *Идиот*, 1926, с. 233.

что создает непреодолимую путаницу между «авторским стилем писателя» и грамматической нормой времени создания им текста. Здесь мы видим попытку актуализировать устаревшую версию национального языка, представляя ее в роли некоей «сакральной», особо ценной. Вопрос о том, в каком виде предстают перед нами памятники словесности, созданные в разные эпохи, обретает сегодня все большую актуальность. Это касается любого текста, обладающего неполным языковым согласием с современностью. Парадоксом является легкая решаемость этого вопроса при значительном языковом несовпадении: научное издание памятников средневековой литературы на современном языке никого не удивляет и не возмущает, но временами выдвигается требование издавать памятники литературы XVIII и XIX века на языке первопечатных изданий. Речь идет о так называемых «канонических текстах» Ф. М. Достоевского, издаваемых в Петрозаводске, где предпринята попытка воспроизвести произведения писателя на языке XIX века, включая архаические орфографию и пунктуацию¹⁷.

В информационном обществе человек окружен многослойным информационным полем, состоящим из миллионов знаков на десятках, сотнях различных языков, искусственных и естественных, условных и идеографических. Между отправителем и получателем информации лежат феномены текста, контекста, контакта, общего или не общего кода. Затруднения в коммуникации возникают при несовпадениях любого из этих элементов. Если речь идет о произведениях Достоевского, корневым условием такого рода изменений является культурно-языковой контекст, принципиально иной в настоящее время, нежели 150 или более лет назад. В нынешней культурной среде находится читатель произведений Достоевского с иным культурным багажом, другими языковыми навыками, другой ментальностью, другой картиной мира, другим типом и качеством образования. В связи с этим меняется и адекватный задаче грамматический код прочтения, зафиксированный в виде системы знаков и правил их комбинирования. Говоря о первопечатных текстах Достоевского в сегодняшней реальности, мы обнаруживаем проблемы во всех этих четырех элементах: несовпадение контекстов и языковых норм ведет к ослаблению контакта, что, в свою очередь, приводит к потере информации; под вопросом оказывается сама способность текста нести возложенную на него писателем функцию.

Защитники принципа аутентичности при издании классической русской литературы XIX века (М. Шапир, И. Пильщиков, Н. Перцов и др.) настаивают, что в ряде случаев текст XIX века, например, А. Пушкина, можно правильно прочитать исключительно и только в дореформенной графике и орфографии, к примеру, замена местоимения «ея» на «её» способна уничтожить рифму в пушкинском

17 Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 15 т.*, ред. В.Н. Захаров, Петрозаводск 1995–.

стихе¹⁸. К этим соображениям добавляется политический момент: «Многократно оклеветанные “еры”, “фиты” и “яти” стали жупелом для чиновников от культуры, которые не могли позволить, чтобы новые поколения читали русских классиков в старой орфографии: за особое пристрастие к ней можно было отправиться на Соловки»¹⁹. Действительно, русская эмиграция, начиная с 1920-х гг., отождествляла дореформенный русский язык с культурой прежней России, погибшей от рук большевиков, и это совершенно понятно и легко может быть оправдано. Однако можно ли себе представить, что «аутентичное» издание *Слова о полку Игореве* окажется более необходимо и востребовано в мировой культуре, чем перевод В. Жуковского или Д. Лихачева? Возвращение к языку XIX века – проект утопический.

Человеческая культура развивается по пути упрощения знаковых систем, из которых состоит мир, что позволяет улучшить обмен информацией, повысить уровень взаимопонимания, сделать контакт между людьми более прозрачным. Творческий акт художника или мыслителя, воплощенный в его произведениях, является основой строительства мировой культуры. И потому вопрос о публикации памятников гуманитарной мысли выливается в вопрос о сохранении продукта творческой инициативы как целостного феномена, не теряющего своей интеллектуальной и культурно-исторической специфики. Из этого ясно, что намерение законсервировать какие-либо элементы текста или весь текст в «канонической» форме выдает отсутствие намерения улучшить условия его восприятия, что, с одной стороны, нарушает волю автора, его стремление к прозрачности несомых текстом смыслов, с другой, на прагматическом уровне, приводит к сужению круга читателей. Учитывая сложность философских и психологических коллизий, которые создавал Достоевский в своих произведениях, добавлять искусственные трудности в их усвоении есть не что иное, как прямое нарушение его авторской воли, суть которой сводилась к тому, чтобы экзистенциальные вопросы, решению которых посвящены романы писателя, были максимально ясны читателю.

Попытка сохранения авторской воли в русле идеи механического воспроизведения первопечатного текста приводит текстолога к необходимости игнорировать корневые свойства художественно-эстетической коммуникации, нарративную структуру художественного текста, значение которого располагается между автором и реципиентом, а не в самом тексте как таковом, на чем настаивала пресловутая «теория отражения», упомянутый выше шедевр марксистско-ленинской эстетики. Текст как персональное или коллективное свидетельство о бытии обладает тем, что

18 См. М.И. Шапир, «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста, в: М.И. Шапир, *Статьи о Пушкине*, Москва 2009, с. 277–302.

19 Там же, с. 276.

Лотман называл «текстовым смыслом», а Бахтин «ядром текста»²⁰. Одновременно с этим каждая из моделей – в науке, искусстве и религии – по-своему располагает точку зрения в ее отношении к реальности.

*

За тысячелетия своего существования человечество выработало три основных способа познания окружающей действительности – науку, религию и искусство, эта триада образует единый комплекс, лежащий в основе коммуникативной культуры человечества. Культура функционирует как процесс объединения в одно целое общего контекста бесконечного множества высказываний индивидуумов об окружающем их мире. Любая познавательная модель предполагает необходимость строительства знаковой системы, которая бы максимально точно обозначала найденные закономерности. Принципиальные различия свойств коммуникативных взаимодействий в религии, науке и искусстве определяют их функциональные отличия в системе культуры и, соответственно, их роль в жизни человечества, включая образование на их основе общественных институтов. Значительную роль здесь играет религиозная модель, мы говорим в данном случае не о конфессии, но о личной религиозно-философской модели, в соответствии с которой человек располагает себя в окружающей действительности и в рамках которой ведет научные исследования. Согласимся с тем, что жизнь в средневековой геоцентрической модели Вселенной, с ее известными ограничениями и жизнь в постэйнштейновской реальности – не одно и то же. Философско-онтологические посылы определяют мотивацию исследователя, направляют его к определенным темам. Общее между наукой и религией заключается в возможной и желанной «объективной истине», которая имеет универсальный характер, на нее может (и должен) морально-онтологически утвердиться любой индивидуум, претендующий на свое место в парадигме. Бахтин замечал, что если в науке человек реализует оторванную от целого часть своей личности, то в искусстве – реализует свою персональную жизненную позицию как единое целое с окружающим эту позицию миром.

Наука предполагает, что реальность, недоступная нашему восприятию (и/или пониманию) в окружающей нас действительности, принадлежит нам всем и является общим достоянием. Следовательно, наше совместное и совокупное непонимание должно быть преодолено общими усилиями. Для науки познание есть цель, а межперсональный диалог – лишь средство, в искусстве же диалог становится целью, так как именно в нем происходит установление личной бытийной позиции

20 М.М. Бахтин, *Проблема текста*, в: М.М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 5, Москва 1997, с. 310.

в мире как оправданной и необходимой и рождает смысл, преодолевающий мое непонимание и незнание, как следствия действия «слепого пятна». Так называемое «чистое искусство» и так называемая «точная наука» выступают в виде абстракций, которые в свое время оказались полезными для общей истории культуры, формируя своего рода полюса, между которыми, в разной степени удаленности друг от друга, располагались все попытки человека понять и описать окружающий мир. «Точная наука» репрезентировала чистое знание, лишенное всяких следов персонального видения, знание как таковое, объективное (значит, лишенное всякой субъективности). «Чистое искусство» актуализировало персонализацию информации о мире, личного видения как такового, отрицая возможность «объективной» оценки полученных в результате этого видения результатов. Это старинное разделение, равно как и подразделение наук на «точные» и «гуманитарные» (предполагается, заведомо неточные) устарело к началу XX века²¹. Справедливо сказал один мой коллега по институту, что в настоящее время самая «точная» из наук – это текстология, где уровень достоверности знания практически стопроцентный²².

В практике естествознания, тем не менее, пусть и в небольшой степени, присутствует аксиологически-индивидуальный аспект видения мира конкретным ученым, влияя на способ решения им научной задачи и осмысление результатов. Фактически, любая наука – в той или иной степени «гуманитарная», негуманитарных наук не будет до тех пор, пока выбор предмета научного исследования, метода его изучения и способа осмысления полученных результатов принадлежит человеку как индивидуальному сознанию, оформленному в биологическую структуру и необходимо обладающему своим «избытком видения» и своим «слепым пятном».

Отличие заключается в том, что естественные науки имеют дело с вещью, сосредотачиваясь на «окружении» человека, а гуманитарные науки имеют своим предметом «кругозор» человека, репрезентированный в виде эстетического объекта. Гуманитарные науки описывают то, каким образом можно увидеть и воспринять окружающий нас мир, в виде систематического знания о некой персональной системе ценностей; естественные науки – то, что можно увидеть и понять, используя набор принципов видения, созданных культурой.

Условный художественный мир, сопутствующий каждому из таких онтологических свидетельств, оказывается объектом изучения постольку, поскольку несет информацию о той точке зрения, окружением которой он оказался и сви-

21 А. Пуанкаре по этому поводу писал: «Многие полагают, что математику можно свести к правилам формальной логики... Это лишь обманчивая иллюзия» (А. Пуанкаре, *О науке*, Москва 1983, с. 286).

22 В.В. Ильин по этому поводу заметил, что представитель естественных наук и литературовед «едят одно блюдо», используя при этом разные столовые приборы (см. В.В. Ильин, *Теория познания. Эпистемология*, Москва 1994, с. 22–30).

детельством о бытии которого он является. Тем самым гуманитарные науки (например, литературоведение) становятся своего рода метаописаниями точки зрения на мир, которая становится научным объектом, включенная в двуступенчатый полилог художественной коммуникации. В этом смысле гуманитарные науки служат делу онтологического оправдания человека, возможно, в не меньшей степени, чем философия или искусство. Неслучайно мы имеем массу примеров, когда научные исследования о творчестве того или иного писателя воспринимались как философские и художественные достижения.

Различие между физикой, например, и литературоведением наблюдается в вопросе о предмете описания: теоретическая физика имеет дело с абстрактными понятиями, связанными с определенной картиной мира, а теоретическая поэтика – с такими же абстрактными понятиями пространственно-вещного характера, описывающими параметры определенного рода или типа, персональные видения окружающей действительности. Если бы в художественном произведении не было условной реальности («художественного мира»), но присутствовал бы реальный мир (или его копия, отражение), то литературоведение исчезло бы за ненадобностью как совершенно лишнее. По этому пути шли вульгарные социологи начала XX века, отменяя гуманитарные науки или заменяя их «точными»; фактическим смыслом этой процедуры отмены поэтики была замена неповторимой жизненной позиции конкретного индивидуума общественным значением, его личного опыта – социальной практикой. Личное «я» в такой эстетике овеществлялось, коренным образом меняя свой основной смысл.

В настоящее время гуманитарная и «точная» науки делают ощутимые шаги навстречу друг другу: гуманитарные науки все чаще используют методологию и инструментальные средства естественных наук, естественные науки все чаще признают неразрывной связь между видением человеком мира и формируемой им картиной мира; нет никаких сомнений, что это разделение не носит принципиального характера. В свое время М. Бахтин пророчествовал о будущей единой науке, которую предлагал назвать «Философия выражения», а предметом изучения которой могло бы быть «поле встречи двух сознаний» в атмосфере «абсолютного сочувствия» – поиск человеком своих бытийных опор, свойств окружающего мира с учетом и даже сосредоточенностью на «избытке видения» индивидуального «голоса» каждого конкретного человека, свидетельствующей о себе и о мире точки сознания.

Однако междисциплинарные исследования есть благо лишь в том случае, если методология одной научной парадигмы оказывается приемлемой для исследования научного поля другой парадигмы. Такого рода методологический «импорт» временами приносит серьезные результаты, так родилась, например, квантовая

механика и термодинамика. Однако он не является универсальной самоцелью, как это довольно часто оказывается сегодня, когда под прикрытием фигового листка «междисциплинарности» возникает самая банальная эклектика, нетворчески смешивающая разные методологии, ни одна из которых при этом нормально работать не в состоянии, а исследователь виляет из стороны в сторону, поминутно впадая в ступор, подобно человеку, пытающемуся ехать одновременно на двух велосипедах. Таким образом, научный и художественный текст в равной степени релевантности свидетельствует об обусловленной личным видением картине мира, однако, если в научном тексте точка видения мира лишена собственного личного окружения, ее окружением является сама реальная действительность, и потому она пластически не выражена, то в художественном тексте все точки, включая и повествователя, получают вещественное воплощение в условном мире, они пластически выражены. В этом случае мир выступает не как «объект изучения», но как событие. Событийность науки лежит в сфере «окружения» человека, а событийность искусства в сфере его «кругозора», в их неразрывной связи.

Начиная конкретное исследование, ученый не может не отдавать себе отчета в осознании общей конструкции окружающего мира, подобно архитектору, который не может планировать размеры и форму комнаты, не зная размеров и структуры всего здания в целом. Разумеется, представления эти у различных исследователей различаются, и поэтому для научного поиска необходим определенный уровень интеграции личных знаний в фонд данных научного сообщества. Иначе «научный вклад» некуда будет вложить, он останется невостребованным и не воспринятым. Огромное значение здесь имеет кругозор ученого. Русский филолог Д. С. Лихачев говорил автору этого эссе: «Ученый должен знать все о немногом и понемножку обо всем». Эту мысль ранее формулировал А. Лавджой, указывая, что ученый работает в русле общей мысли человечества о его роли во Вселенной и смысле бытия. С первым пунктом все ясно, речь идет о владении парадигмой, глубокая специализация в продуктивном научном поиске более чем необходима. Но нас интересует и вторая часть этой фразы, и за примерами далеко ходить тут не нужно. А. Эйнштейну, по его словам, в открытии Теории относительности помог роман Ф. М. Достоевского *Братья Карамазовы*²³. Сравнивая Достоевского с К. Ф. Гауссом (1777–1855), родоначальником «дифференциальной геометрии» (геометрии искривленных плоскостей), Эйнштейн указал нам на то, что привлекло его внимание в романе *Братья Карамазовы*. Исходя из своего представления о том, что индивидуум некоей своей частью укоренен в пятом или N измерении, Достоевский был уверен, что на форму (кривизну) окружающего пространства влияет нравственное состояние

23 А. Мошковский, *Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира*, Москва 1922, с. 162.

человека. Эту идею о связи между свойствами времени и пространства, зависимыми от нравственного статуса людей, писатель реализовал в своем романе, на уровне конструкции художественного мира и в философских рассуждениях персонажей, в частности, Ивана Карамазова. Согласно идее, которая владела Достоевским в период создания им романа *Братья Карамазовы*, скрытая от нашего восприятия часть Вселенной оказывает огромное неконтролируемое влияние на физические процессы в воспринимаемой нами реальной действительности. Эта идея и была математически обоснована Эйнштейном в его Теории относительности.

Примеров такого взаимодействия гуманитарной мысли и естественной науки немало, поразительной широтой интересов отличался В. И. Вернадский, его идея «ноосферы» также порождена гуманитарной мыслью и обоснована средствами биологической науки. Широкий культурный кругозор и основанное на свободе и непредвзятости индивидуальное видение мира ученого являются двумя необходимыми условиями достижения успеха в научном поиске, в котором ошибки выводят к верному решению.

Успешный ученый – это человек, преодолевший множество ошибок, чужих и своих собственных. Исследование – это учеба по сути, самообразование на уровне переднего края известного, самопроверка и учеба. Продолжая эту мысль, можно представить себе эффективно работающего исследователя как совершающего ошибки с большей быстротой, чем другие, менее успешные его коллеги. В этом смысле и научный эксперимент – это умышленное создание ситуации, при которой возможна ошибка, продуктивность которой заключается в уточнении направления поиска истины. История науки тем самым обращается в набор следующих в логическом порядке ошибок, каждая из которых становится основой для рождения проблемы, решение которой оформлено в виде гипотезы. Этот процесс осуществляется большей частью на периферии эпистемы, в области минимальной теоретической жесткости, довольно часто в откровенно маргинальных зонах. Поступательное движение науки можно представить в виде цепи постоянно углубляющихся и порождающих овые вопросы ошибок, оформленных теоретически в виде гипотез, решение которых порождает новые проблемы и новые гипотезы. Отличие от сизифова труда заключается в том, что решенные проблемы приносят ощутимую пользу, а каждая сделанная в процессе поиска ошибка имеет ответ истины.

ЛИТЕРАТУРА

Bachtin M.M., *Автор и герои в эстетической деятельности*, w: M.M. Bachtin, *Sobranije sočinienij w 7 t.*, t. 1, Moskwa 2003.

Rabocziye zapisi 60-ych – naczala 70-ych godow, w: M.M. Bachtin, *Sobranije sočinienij w 7 t.*, t. 6, Moskwa 2002.

Razrozniennye listy, w: M.M. Bachtin, *Sobranije sočinienij w 7 t.*, t. 6, Moskwa 2002.

Dostojewski F.M., *Idiot*, w: F.M. Dostojewski, *Połnoje sobranije chudożestwiennych proizwiedienij*, Leningrad 1926.

Idiot, w: F.M. Dostojewski, *Połnoje sobranije soczinienij w 35 t.*, t. 8, Sankt Petersburg 2019.

Połnoje sobranije soczinienij w 30 t., t. 7, Leningrad 1973.

Połnoje sobranije soczinienij w 15 t., red. W.N. Zacharow, Pietrozawodsk 1995–.

Ildin W.W., *Tieorija poznania. Epistemologija*, Moskwa 1994.

Iz rukopisnogo nasledija W.I. Wernadskogo, „Woprosy Filozofii” 1966, nr 12.

Kristeva J., *Razruszenije poetiki*, w: *Francuzskaja siemiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*, Moskwa 2000.

Kuhn T., *Strukura naucznych riewolucij*, Moskwa 1977.

Lovejoy A., *Wielikaja cel' byt'ja. Istorija idiej*, Moskwa 2001.

Moszkowski A., *Albert Einstein. Biesedy s Einsteinom o tieorii otnositielnosti i obszcziej sistiemie mira*, Moskwa 1922.

Poincaré H., *O naukie*, Moskwa 1983.

Popper K., *Szto takoje dialektika?*, „Wprosy Filozofii” 1995, nr 1.

Puszkin A.S., *Sobranije soczinienij w 10 t.*, t. 2: *Stichotworienija 1823–1836*, Moskwa 1959.

Tynianow J.N., *Litieraturnyj fakt*, w: J.N. Tynianow, *Poetika. Istorija litieratury. Kino*, Moskwa 1977.

Szapir M.I., „*Jewgienij Oniegin*”: *problema autentycznogo tieksta*, w: M.I. Szapir, *Stat'ji o Puszkynie*, Moskwa 2009.

ОБ ОШИБКАХ В НАУЧНОМ ПОИСКЕ, И В ТЕКСТОЛОГИИ В ЧАСТНОСТИ

Предлагается аналитическое рассмотрение генезиса, онтологии и прагматической роли научной ошибки как неотъемлемой части научного процесса во всех областях знания. Анализируются взгляды на этот предмет ряда ученых и философов, делается вывод о кардинальной важности категории «точки зрения» в ее онтологическом, этическом и прагматическом аспектах. Научный поиск рассматривается в роли одного из трех основных методов выработки знания, принятых в мировой культуре, с указанием на ряд отличий в параметрах межличностной коммуникации между художественным творчеством, религиозным поиском и научным исследованием. Формулируется методологическое отличие научной ошибки, которая способна иметь позитивный характер, от научной неточности, недостаточности или неполноты. В качестве примеров такого рода анализируется черновая запись Ф. М. Достоевского, а также концепция «интертекста» Ю. Кристевой в сравнении с идеей «межсубъектного диалога» М. Бахтина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная ошибка, точка зрения, преэссенциальность в науке, коммуникация, накопление знаний

O BŁĘDACH W BADANIACH NAUKOWYCH, ZE SZCZEGÓLNYM UWZGLĘDNIENIEM TEKSTOLOGII

W artykule analizuje się genezę, ontologię i funkcję pragmatyczną błędu jako nierozdzielnej części procesu badawczego we wszystkich dziedzinach nauki. Badając poglądy na tę kwestię, wyrażane przez wielu uczonych oraz filozofów, autor wyciąga wnioski o fundamentalnej ważności kategorii „punktu widzenia” w aspekcie ontologicznym, etycznym i pragmatycznym. Badania naukowe są tu traktowane jako jedna z trzech podstawowych metod zdobywania wiedzy, funkcjonujących w kulturach świata – zostaje przy tym podkreślony cały szereg różnic pod względem komunikacji między jednostkami, jaki zachodzi na linii twórczości artystycznej, doświadczenia religijnego oraz naukowych dociekań. Wyraźnie formułuje się też różnicę pomiędzy błędem badawczym (który może mieć charakter pozytywny) a naukową niedokładnością, niedostatecznością (brakiem) czy niekompletnością. Jako przykłady takich omyłek służą analizy brulionów Fiodora Dostojewskiego, a także koncepcja „intertekstu” Julii Kristevej oraz „intersubiektywnego dialogu” Michaiła Bachtina.

SŁOWA KLUCZE: błąd naukowy, punkt widzenia, ciągłość w nauce, komunikacja, kumulacja wiedzy

ON ERRORS IN ACADEMIC RESEARCH, WITH PARTICULAR EMPHASIS ON TEXTOLOGY

The article analyses the genesis, ontology and pragmatic function of an error as an inseparable part of the research process, in all fields of science. By studying the outlooks of many scholars and philosophers on this issue, the author draws conclusions relating to the fundamental importance of the ‘point of view’ in the ontological, ethical and pragmatical aspects. Academic studies are explored in the article as one of the three basic methods of acquiring knowledge that operate in the cultures of the world. At the same time, the article highlights a whole array of differences in communication between individuals, which transpire between artistic creation, religious experience and scientific inquiry. A distinct difference between scientific error (which can have a positive effect) and scientific inaccuracy, insufficiency (shortcomings) or incompleteness is also articulated. The analyses of drafts by Fyodor Dostoevsky, as well as of the concept of ‘intertextuality’ by Julia Kristeva and ‘intersubjective dialogue’ by Mikhail Bakhtin, serve as examples of such errors.

KEY WORDS: scientific error, point of view, continuity in science, communication, accumulation of knowledge